

ПРОЛОГ

Оукли

Бьянка.

Она — первое, о чем я думаю, когда открываю глаза.
Но, к сожалению, не первый человек, которого я вижу.
Этот человек — мой отец.

И два полицейских.

Черт.

Окинув быстрым взглядом пространство вокруг, я понимаю, что нахожусь в больнице.

Вот дерьмо.

— Что... — Я пытаюсь пошевелиться, но у меня ничего не получается.

Затем я опускаю глаза и понимаю почему. Я пристегнут наручниками к сраной кровати. И не так, как мне обычно нравится.

— Что случилось?

Отец, которого я никогда в жизни ни видел настолько испуганным, делает шаг вперед.

— Ты попал в аварию.

Похоже на правду, потому что мое последнее воспоминание — это то, как я веду машину.

И мы ругаемся.

Ее слезы.

Но ярче всего? То, что она сказала прямо перед тем, как мир вокруг потемнел.

— У тебя случился приступ за рулем, — продолжает отец, но его слова пролетают мимо моих ушей.

Сейчас меня волнует кое-что поважнее.

— Где Бьянка? — Я сажусь на кровати. — Она в порядке?

Учитывая то, что машины возглавляют список ее фобий, она, должно быть, там с ума сходит.

Мне нужно ее увидеть.

— Она... хм. — Он мрачнеет. — Она все еще в операционной.

Мой мозг, кажется, временно отключается, потому что я не понимаю, о чем говорит отец.

— Операционная? — Штука в моей груди — тот чертов орган, который она вернула к жизни, — начинает неистово биться. — Она же будет в порядке, да?

Она обязана.

Эта девчонка — синоним слова «боец».

Нахмурившись, он отодвигает стул, стоящий рядом с койкой, и садится на него.

— Мы... вернее, Ковингтоны... пока ничего не знают.

Мне нужно увидеть Джейса и Коула.

Твою мать.

Они чертовски разозлятся, когда узнают, что у меня случился приступ, пока их сестра была со мной в машине. И еще сильнее взбесится, если до них дойдет, что я все лето с ней спал.

Хотя кого я обманываю? Бьянка — это не просто девушка для секса.

В любом случае они не обрадуются таким новостям. Однако их гнев — последнее, что меня сейчас волнует. Мне нужен врач — *да хоть кто-нибудь*, — с кем я могу поговорить о ее состоянии.

— Тут где-нибудь есть доктор или медсестра? Я должен узнать, как...

— Оукли, — обрывает меня отец. — Мы не можем сейчас беспокоиться о них.

Мне не нравится его отстраненность по отношению к ним. Мой отец уже несколько лет является личным юристом и другом мистера Ковингтона. Он даже дома шутил, мол, дерьмо Ковингтонов — его дерьмо. Учитывая то, что Джейс и Коул — мои лучшие друзья, черт, мои *братья*, я думаю точно так же. Очевидно, стена, которую он строит сейчас между нашими семьями, мне не нравится.

— Что значит, мы не можем беспокоиться...

— Оук, — отец указывает на полицейских, — сейчас у нашей семьи свои проблемы.

Мне хочется засмеяться из-за того, что он использовал слово «семья». Оно к нам не применимо с тех пор, как я разозлился на отца, переспал со своей мачехой и влюбился в нее... Только чтобы узнать, что она использовала меня, чтобы забеременеть.

И она забеременела.

А потом потеряла ребенка.

Моего.

И вскоре после выкидыша она снова беременна... моей сводной сестрой. Так это и должно было случиться. Но это

уже моя беда, я вечно все порчу. Самое главное? То, что происходит сейчас.

Я перевожу взгляд на полицейских.

— Что они...

Твою же, на хрен, мать.

Если случилась авария... на место прибыли копы. А значит, они нашли в моем багажнике героина и кокаина на десять тысяч долларов. Теперь я понимаю, почему отец напуган.

Черт, я тоже напуган.

Я смотрю на отца, боясь заговорить, потому что не хочу добавить себе проблем. Что смешно, ведь я и так в заднице.

В такой глубокой заднице.

Словно прочитав мои мысли, он поворачивается к полицейским.

— Вы можете оставить нас с сыном вдвоем на минуту?

Они смотрят на него как на психа.

— Это против правил, — четко говорит один из полицейских.

— Да к черту ваши правила, — выплевывает отец, но я слышу, как страх просачивается сквозь его напускную уверенность.

В груди все переворачивается.

Отец вообще мог бы не приходить сюда, учитывая все, что я сделал. Но тем не менее... он здесь. Борется за свое жалкое отпрыска.

Как настоящий родитель, которым никогда не была моя мать.

Взяв себя в руки, отец встает.

— В этой комнате нет окон. — Он переводит взгляд на мои наручники. — И он пристегнут к кровати. — Затем смотрит им в глаза. — Он никуда не денется. Даю слово.

Я жду, что копы начнут спорить, но, должно быть, мой отец куда более уважаемый человек, чем я думал, потому что они соглашаются.

— Пять минут, — произносит один из них, когда они начинают двигаться в сторону двери.

Схватившись за редкие пряди волос на своей лысеющей голове, отец бледнеет.

— Ты в дерьме, Оук.

Да уж, я в курсе.

— Знаю. — Я морщусь. Это плохо. *Чертовски плохо.* — Насколько глубоко?

Отец начинает загибать пальцы.

— Что ж, начнем с того, что они изъяли больше фунта героина и кокаина из твоего багажника. — Он зло смо-

трит на меня. — Дальше, в твоей крови обнаружили 0,8 промилле алкоголя, что больше...

— Допустимой нормы, — заканчиваю я за него.

Потому что, когда я лажаяю... то делаю это по полной.
Если честно, удивлен, что список такой короткий.

— Еще они нашли в твоём организме следы марихуаны и кокаина.

Тут без сюрпризов.

— Я пытался протрезве...

— Что ж, это, на хрен, не сработало, — кричит он, и в его глазах плещется ярость.

— Прости меня.

Но извиняюсь я не за то, что употреблял наркотики. Я знаю, что он наконец узнал правду. На его лице столько боли, столько разочарования, что мне тяжело на него смотреть.

Папа отводит глаза, словно тоже не может взглянуть на меня.

— По крайней мере, я знаю, почему ты так внезапно съехал.

Да, потому что я больше был не в состоянии смотреть на себя в зеркало. А значит, я точно не мог видаться с ним.

— Пап...

— Я не хочу об этом говорить, — выплевывает он, сжимая спинку стула с такой силой, что костяшки пальцев белеют. — Я должен сказать тебе кое-что. — Злость на его лице сменяется отчаянием. — Кое-что очень серьезное.

Учитывая внушительный список дерьма, которое я сегодня сотворил, — и тот факт, что моя любимая девушка находится в операционной, — я практически уверен, что он уже не скажет мне ничего *серьезнее*.

— Что?

Приблизившись, он сжимает мое плечо.

— Во время приступа ты вылетел на встречную полосу и врезался в другую машину.

Очевидно, я ошибался... есть кое-что посерьезнее.

Намного серьезнее.

У меня не лучшие отношения с Богом, но я все равно начинаю молиться про себя. Прося, чтобы операция Бьянки прошла успешно... и чтобы с человеком во второй машине все было хорошо.

Крепче сжав мое плечо, отец опускает глаза в пол.

— За рулем была Хейли.

Я теряюсь.

— Хейли... моя бывшая девушка Хейли?

Он кивает.

— Да.

Я потираю грудь, внутри которой все сжимается в огромный комок. Отвратительный список моих ошибок становится длиннее с каждой минутой.

— Надеюсь, с ней все в порядке.

— Оук, — мягко говорит он, словно ему тяжело продолжать. — Она не выжила.

Я чувствую спазм в желудке, комната начинает кружиться.

Конечно, я придурок, самый большой, которого знаю, но я не...

Твою мать.

Это не может быть правдой.

— Она умерла? — Когда звук моего собственного крика отскакивает от стен, наполняя комнату, у меня начинает звенеть в ушах. — Я убил ее?

Я пристально смотрю на отца, прося, умоляя взять эти слова обратно. Но он не может.

Потому что я убил ее.

Все вокруг становится размытым, я делаю вдох, пытаясь себя успокоить. Не получается. От этого никуда не денешься. То, что я сделал, уже не получится исправить. Вина — та, которой не сможешь сожалением, — наполняет мою грудь.

— Прости, — шепчет папа, обнимая меня.

Я не понимаю, почему он извиняется. Я во всем виноват.

— Я уби...

Свет над моей головой начинает моргать и слишком уж знакомый шум наполняет уши.

— У него эпилепсия! — кричит отец, когда комнату наполняет звук шагов. — Снимите с него эти чертовы наручники.

Я моргаю, глядя в потолок, на меня накатывает волна усталости.

Есть столько вещей, которые я хотел бы сказать, — и еще больше, за которые хотел бы извиниться, — но я не могу. Ведь никакое раскаяние здесь не поможет. Я просто хочу закрыть глаза... и проспать вечность. Возможно, когда я проснусь, окажется, что это был всего лишь сон.

Или прекрасный кошмар.

Черт. Я так сильно хочу ее увидеть. Сказать ей слова, которые не успел произнести до того, как стало слишком

поздно. Когда я все испоганил. Сказать, что между нами все было по-настоящему.

— По протоколу нельзя, — отрезает какой-то мужчина.

— На хрен ваш протокол. — Папа гладит меня по голове так же, как в детстве. — Все хорошо. У тебя просто снова случился приступ.

Забавно, ведь, несмотря на небольшой рост, в суде отец превращается в настоящую акулу, в монстра, который способен буквально разрушить любую жизнь простым заключительным словом, но глубоко внутри у него огромное сердце.

Раньше я думал, что и у меня такое же. Но теперь я знаю, что это не так... потому что люди с огромными сердцами никого не убивают.

— Он в порядке? — слышу я знакомый голос.

Дилан.

Борясь с усталостью, я отрываю взгляд от потолка. Глаза моей двоюродной сестры красные и опухшие, словно она плакала.

Возможно, из-за дерьма, которое я натворил.

Я открываю рот, но отец меня перебивает.

— Прости, Дилан, но тебе пока к нему нельзя.

Дилан переминается с ноги на ногу.

— Я просто хотела убедиться, что с ним все в порядке.

— Я понимаю, — говорит отец. — Но сюда можно только ближайшим родственникам.

По лицу Дилан видно, как ее ранят эти слова, и я ни капли ее не виню. Отец ведет себя с ней как настоящий урод.

— Какого черта, пап? — хриплю я. — Дилан — наша семья. — Я смотрю на медсестру, которая ставит мне капельницу, надеясь на поддержку, учитывая то, что я здесь пациент. — Я хочу, чтобы моя сестра осталась. — Повернув голову, я снова перевожу свое внимание на нее. — Как там Бьянка?

Я замечаю огонек беспокойства в ее глазах.

— Операция только что закончилась...

— Выведите ее, — встревает отец. — Сейчас же.

— Нет, — рычу я, но меня никто не слушает. — Дилан! — выкрикиваю я, пока полицейские выставляют ее за дверь. Когда наши взгляды встречаются, мне удается проговорить: — Скажи ей, что между нами все было по-настоящему. — Я сглатываю. — Скажи, что я люб...

Дилан пропадает из поля зрения, прежде чем я успеваю закончить предложение.

Я направляю свой гнев на отца.

— Почему ты не разрешил ей остаться?

Он хмурится.

— Потому что она слишком предана Джейсу и Ковингтонам, и я не могу позволить ей шпионить за нами, чтобы получить больше информации для возможного дела. — За этим следует шумный выдох. — Я уже готовлюсь к тому, что на нас подаст в суд семья Хейли, и если Бьянка не выживет...

Боль вспыхивает в моей груди, взрываясь, словно фейерверк.

— В смысле, если Бьянка не...

Я снова вижу мерцающие огни, и шум начинает эхом отражаться у меня в ушах.

— Вы можете дать ему лекарство по сильнее? — рычит отец на медсестру. — Это его четвертый приступ за семь часов.

Медсестра в этом не виновата.

Эмоциональные потрясения как спусковой крючок для моих приступов, и прямо сейчас в мире не хватит лекарств, чтобы заглушить боль у меня в груди.

— Уже, — отвечает медсестра, взяв с капельницей. — Как ты себя чувствуешь, Оукли? — Она сочувствующе мне улыбается. Я этого не заслуживаю. — Держись?

С трудом.

— Спасибо.

Нужно быть очень хорошим человеком, чтобы с добротой относиться к сраному убийце.

Я настолько потерял, что едва слышу свой собственный голос, но, думаю, она меня поняла, поскольку одаривает еще одной улыбкой, прежде чем направиться к двери.

— Через час у меня встреча с твоим адвокатом, — сообщает отец, когда она уходит.

Это... странно.

— Разве не ты мой адвокат?

Он качает головой.

— Нет. Это будет конфликт интересов, а я не хочу, чтобы у них было еще что-то, что можно использовать против нас. — Отец порывисто выдыхает. — Я собираюсь сделать все возможное, поцеловать каждую задницу, которую придется, чтобы мы смогли выйти на сделку.

У меня в груди все сжимается.

Я не заслуживаю никакой сделки.

— Пап...

— Но, — перебивает он, и тон снова становится серьезным, — мне нужна от тебя полезная информация.

— Какая?

Его глаза находят двух полицейских в противоположном углу палаты.

— Можно нам минуту наедине? — Увидев, что они готовы начать спорить, отец добавляет: — Обещаю, если вы дадите мне две минуты, я вытащу из него правду.

Какую правду? Он и так уже все знает.

— Две минуты, — соглашается один из них, а затем они уходят.

— Что...

— Чьи наркотики ты продавал?

Нет уж, я не стукач.

— Свои.

Отцу такой ответ не нравится.

— Чушь. Мой друг в участке сказал, что на всех пакетиках, которые нашли в твоей машине, была особая отметка. Штамп, который ставит один наркобарон. Они уже несколько лет пытаются на него выйти.

Мне хочется засмеяться, ведь Локи никакой не наркобарон — по крайней мере, пока, — но я включаю мозги и сдерживаю себя.

В глазах отца вспыхивает разочарование.

— Знаешь, я надеялся, что ты хоть раз скажешь мне правду.

Учитывая недавнее открытие отца, — что я трахал его жену, — это недоверие вполне оправданно. Но я не успеваю задуматься об этом, потому что он хватает мой палец. Я пытаюсь отдернуть руку, но на мне все еще надеты наручники.

— Какого хрена...

Он прикладывает мой палец к кнопке на разбитом экране телефона.

— Твою мать, пап, *хватит*, — выплевываю я, пока он копается в моем мобильном в поисках информации.

Локи пока, может, и не наркобарон, но он без колебаний пришлет кого-нибудь пристрелить мою задницу за то, что я сдал его копам. Но... тут все честно.

Око за око.

Папа радостно поднимает мой телефон.

— Узнал все, что нужно. Спасибо за сотрудничество. — Он уверенно идет к двери. — Можешь злиться сколько угодно, Оук, но я сделаю все, чтобы ты не сгнил в тюремной камере.

Сгнить в тюремной камере — это как раз то, чего я заслуживаю.

В животе все переворачивается, когда я направляюсь к залу суда. Словно почувствовав мой страх, отец говорит:
— Не волнуйся. Мы заключили чертовски хорошую сделку, сдав Локи.

Забавно... потому что я не помню, чтобы сдавал кого-то или заключал какую-то сделку.

— Причинение смерти по неосторожности в состоянии алкогольного опьянения, — шепчу я, повторяя то, что он сказал мне утром. Отец подключил связи и сделал так, чтобы мое заседание прошло сегодня.

— Именно. Было сложно, но... — отец указывает на моего адвоката, — мы уговорили их признать это мелким правонарушением.

Адвокат хлопает меня по спине.

— Тебя ждет домашний арест на полгода... максимум.

Как и любого другого богатенького белого ребенка со связями.

Отец усмехается.

— Ты переживешь. Время пролетит незаметно.

Господи Иисусе.

Неудивительно, что родители Хейли просто убиты горем. Мало того, что я убил их дочь, — а еще отправил свою любимую девушку в кому, после которой она потеряла память, — я еще и выйду сухим из воды.

В горле застревает ком, когда мы заходим в зал суда.

Это несправедливо.

— Всем встать перед уважаемой судьей Дженнет.

Все тело напрягается, на меня накатывает тошнота, когда адвокат начинает свою речь.

Ей исполнилось двадцать один в мае. Я этого никогда не пойму, но она любила слушать Джастина Бибера на полной громкости и каждое утро выпивала на завтрак Ред Булл без сахара. Она обожала картошку фри, но редко ее ела, ведь от нее толстеет задница... что чушь на самом деле.

Воротник рубашки впивается в шею.

Она сказала, что любит меня во время ужина в Суши-Суши, когда мы праздновали полгода отношений.

А я ничего не ответил... поскольку не чувствовал того же. Но я хотел, чтобы она нашла кого-то, кто почувствует. Теперь этого не случится.

Ведь она мертва.

Пока я стою здесь, в суде... и две минуты отделяют меня от свободы.

Подняв голову, я вижу родителей Хейли. Они забились в дальний угол на противоположной стороне зала, держась друг за друга так, словно они единственное, что у них осталось.

Потому что так и есть.

Ее отец изо всех сил старается не заплакать, а мать тихо всхлипывает, прижав к губам салфетку.

Хейли никогда не закончит колледж и не станет ветеринаром, как мечтала.

Ее мама никогда не будет планировать свадьбу вместе с дочерью.

А папа никогда не поведет ее к алтарю.

Потому что я отобрал жизнь, которую они создали. И совсем скоро я пройду мимо родителей Хейли, чтобы продолжить проживать свою... А их дочь навсегда останется в земле.

Как, черт возьми, они смогут это принять?

Никак.

— Приговариваю вас к шести месяцам домашнего арест...

— Нет. — Мой голос отражается от стен, словно волна от разорвавшейся бомбы. — Я не хочу домашний арест.

Я прожил двадцать один год, создавая проблемы, которые либо кто-то решал за меня, либо я просто сбегал от них.

Но не в этот раз.

— Что ты делаешь? — бормочет отец, но я его игнорирую.

Судья моргает, очевидно, застигнутая врасплох моим выпадом.

— Молодой человек, насколько я знаю, вы признали вину и пошли на сделку со следствием...

— К черту сделку.

Несколько человек ахают. Родители Хейли поднимают головы.

— Юноша, — сурово говорит судья. — Еще одно слово, и я обвиню вас в неуважении к суду.

— Сделай что-нибудь, — шипит отец на адвоката.

Этого недостаточно.

— Простите, Ваша честь, — влезает мой адвокат. — У моего клиента тяжелый период...

Да господи ты боже мой.

— Никакой у меня не тяжелый период, — перебиваю я. — Он у родителей Хейли. И Ковингтонов.

Из-за меня.

На лице судьи Дженнет явно читается непонимание.

— Молодой человек, я предлагаю вам...

— Причинение смерти по неосторожности в состоянии алкогольного опьянения... за это меня судят?

Судья кивает.

— Именно.

— Вы можете вместо этого судить меня за убийство?

Потому что я убил ее.

— Оукли, — выплевывает отец. — Замолчи. *Сейчас же.*

У судьи буквально отвисает челюсть.

— Значит ли это, что вы умышленно убили...

— Нет. Но...

— Простите, Ваша честь, мой клиент находится в состоянии стресса. — Адвокат прочищает горло. — Он не может разумно мыслить.

Судья поправляет очки.

— В таком случае вам стоит его успокоить, иначе я действительно обвиню его в неуважении к суду.

Быстро подумав, я вспоминаю все, что мне говорил адвокат о моей статье.

— Если меня нельзя судить за убийство... вы можете дать мне год?

Судья вздыхает.

— Молодой человек...

— Послушайте, вы же судья, правильно? Значит, вы можете отменить сделку и вынести мне другой приговор в соответствии со статьей. — Хотя я и не юрист, но я его сын, а значит, кое-что знаю. — Насколько мне известно, по этой статье, в соответствии с законами штата Калифорния, меня можно приговорить к одному году колонии. — Все внутри сжимается, когда я смотрю ей в глаза. — И я прошу вас это сделать.

Это немного, я все еще выхожу сухим из воды, но, боже... это хоть *что-то*.

— Оукли, — шипит отец, краснея от гнева. — Какого черта ты делаешь?

Судья стучит молотком.

— Тишина в суде.

Отец однажды сказал, что мужчина может заплакать только в трех случаях: когда любовь всей твоей жизни стоит рядом с тобой у алтаря, когда твой ребенок делает первый вдох и когда ты хоронишь своих родителей.

Но он не упомянул кое-что еще...

Когда ты отбираешь чужую жизнь.

И чувствуешь себя настолько чудовищно, что во всем мире не хватит наркотиков и алкоголя, чтобы заглушить эту боль.